

Я набираю свой текст на компьютере; написать статью об оперетте я решил сразу же после спектакля, он меня наполнил восторгом, который ещё не до конца иссяк за прошедшие две недели, но смутный контур статьи уже и сразу был расплывчат, и со временем становится всё бледнее, а вчера в Филармонии я слушал Концерт победителей конкурсов оперных певцов Елены Образцовой, восторг наполнил меня не меньший, и поэтому я приник к компьютеру, больше времениить нельзя, всё улетит в безжалостное забвение. Восторги меня наполняют нередко, но ещё чаще уныния, иногда кажется, что больше так жить нельзя, и нельзя даже жить никак... Но существуют музыка, книги, концертные залы, библиотеки и выставки картин, даже случайные встречи с благожелательными людьми, красивыми девушками, умными мужчинами, милыми детишками – и я продолжаю жить. К тому же у меня дома нет пистолета или охотничьего ружья, есть ржавый штык времен Отечественной войны, но я забыл, куда его спрятал, чтобы он не попался мне на глаза. У меня нет даже меча, к тому же я не римлянин и не воспитан в мужественном отношении к смерти, напротив, как потомок двухтысячелетней христианской истории, смерти я боюсь почти также, как христиане.

Но пора уже ехать в условный русский **Ликей**, в южные пригороды Петербурга, в Царское ли село, в Павловск ли, в Петергоф (то есть Петров двор), ставший резиденцией всех русских царей, в Гатчину ли, служившую пристанищем Павла... Условно можно считать Петербургские пригороды в целом Ликейскими садами и Ликеем около Афин: парки и дворцы Царского села, Павловска, Петергофа и Гатчины совмещают в себе и *святимище муз*, и *гимназию*, и место для прогулок («перипатетиков»), и театр.

К нам приехал в гости товарищ из восточной Пруссии, жена моя купила билеты на спектакль оперетты Имре Кальмана в Театре музыкальной комедии у стен Гатчинского дворца. Как извещалось в афише, и артисты, и публика ограждались от дождливого лета навесом.

Мы сели в автобус, приехали в центр города Гатчины, прошли немного по улицам и оказались у входа в парк. Прежде в нём я не бывал (прожив 60 лет в Петербурге), моё воспитание проходило преимущественно в Царском селе, Павловске и Петергофе, отчасти в Ораниенбауме, но вот, наконец, музы позвали нас в Гатчину.

Парк реставрировали после запустений Отечественной войны и советской разрухи, он предстал перед нами не только как уголок живой природы, но и как визитная карточка дворцового города. До спектакля оставался час, и мы пошли по его дорожкам, мимо озёр и каналов, музейных строений, дыша свежим августовским воздухом. Вдруг хлынул дождь, примостились у стены какого-то строения, под козырьком крыши, дождь шутил с нами по-летнему и скоро перестал, я предложил пройти вдоль берега Большого пруда, который, как оказалось, был рукотворным, обогнуть его справа и по дальнему берегу вернуться к дворцу. Лето в этом году было дождливым, и с дорог и тропинок сходить оказалось опасно, можно было основательно промочить ноги. Несколько раз дворец мы теряли из виду, приходилось обращаться за помощью к прохожим, наконец, мы услышали звуки орестра, подошли к двоцу справа, обогнули его со стороны центрального входа, полюбовались угрюмым Павлом, я не преминул радостно заметить своё излюбленное присловье: надо бы царям и временщикам почаще напоминать, что есть ещё подушки в Российском государстве и есть отважные гвардейцы (или их уже нет? Вот в интернете читаю: протоиерей Смирнов назвал российских мужчин национальной трагедией! – кто же будет исправлять огрехи нашей истории?)

Однако надо читателя и просвещать, поэтому показываю два – три вида Гатчинского дворца-замка. С этой стороны мы обогнули замок и справа увидели театр.

Справа маленькая фигура императора. Воистину надо на каждого из них смотреть на фоне культуры и истории: каков их вклад? Конечно, Павел распорядился о строительстве собственной резиденции, отпустил на неё деньги, были наняты искусные архитекторы, судя по всему, он не вмешивался в их работу, революционные гатчинские матросы их не арестовывали и не расстреливали, но надо ли считать заслугой то, что данный человек жил на свете, не соучаствуя в кровавой революции или в несправедливых гонениях на народ или его просвещённую часть, как большевики?

Но хватит просвещать читателя. Изменить его точку зрения на историю, христианство и большевизм я не сумею, приобщить его к чтению и музыке – тоже, поэтому я пишу своего рода письмо к своим просвещённым друзьям и знакомым с целью поделиться тем восторгом, который выпал на мою долю августовским субботним днём после полудня в связи с представлением оперетты Имре Кальмана «Марица».

Однако несколько слов в связи со спектаклем всё же надо добавить. Автор музыкальной комедии родился в Австро-Венгрии на берегу озера Балатон в 1882 году в еврейской семье уроженца Будапешта, торговца Карла Коппштейна, но ещё в гимназии сменил фамилию на *Кальман*. Уже первая оперетта (1908, «Осенние манёвры») имела большой успех и была поставлена в Вене, Нью-Йорке и Лондоне. В военный 1915 год появилась самая популярная оперетта Кальмана «Королева чардаша (Сильва)». Её ставили даже на другой стороне фронта, в том числе в России. В 1920-е годы были написаны «Баядера», «Марица» и «Принцесса цирка».

В 1929 году знаменитый уже композитор женился на юной эмигрантке из Перми, актрисе Вере Макинской (Марии Мендельсон, 1907–1999), которой посвятил впоследствии оперетту «Фиалка Монмартра».

После аншлюса Австрии Кальман эмигрировал сначала в Париж (1938), затем в США (1940). Его оперетты были запрещены в нацистской Германии, две его сестры погибли в концлагерях.

В 1949 году после инсульта Кальман был частично парализован, и в 1951 году по настоянию жены семья переехала в Париж, где спустя 2 года он умер. Похоронен, согласно завещанию, в Вене на Центральном кладбище.

Итак, обогнув замок-дворец справа, мы подошли к небольшой площади и, наконец, заняли свои места в зрительном зале, кото-

рый представлял собой ряды скамеек под открытым небом, навес был только над сценой. Скамейки при том были мокрыми, даже с небольшими лужицами, но, так как в портфеле у меня осталась кипа газет, то я разделил их между своими попутчиками, некоторые из них мы превратили в шляпы, потому что вдруг снова начал накрапывать дождь, а зонтик у нас был всего один.

Уже загрели звуки увертюры, и вскоре на сцене появился бывший владелец поместья, вынужденный инкогнито наняться в управляющие к графине Марице, новой его владелице. Не буду напоминать содержание пьесы, подробно рассказывать о спектакле, музыку ведь не передашь словами, именно поэтому я рассказываю об обстоятельствах, сопутствующих спектаклю, о тех действующих лицах его, которые как раз не были предусмотрены композитором: публика, зрительный зал под открытым небом, гром небесный и дождь, переходящий от сдержанного до проливного, в зависимости от страсти, разгорающейся на сцене. А страсти на ней уже начинали бушевать. Мало того, что прекрасная графиня влюбилась в беспутного недавнего владельца её поместья, но и её подруга, которая одновременно оказалась сестрой разорившегося графа, влюбилась в его друга, к тому же появился ещё один, уже комический претендент на руку богатой и прелестной графини, потом ещё и другой, затем одна загадочная пара, за нею другая. Мизансцены перемежались фейерверками зажигательных венгерских танцев, чардаш сменялся джазом, арии дуэтами, порывы ветра и струи дождя словно вплетались в любовную бурю, дополняя её, как дополнил шикарный Кадиллак, на котором прикатила экстравагантная тётя-миллионерша тот старинный экипаж, на котором прибыла в свою усадьбу юная графиня.

Моё сердце разрывалось на части. Слева от меня сидела жена, и я страдал, что её заливают водой, графиня покорила меня красотой и чудным и сильным голосом, а её подруга вовлекла в водоворот безумного танцевального вихря, так что мне уже начало казаться, что я и сам танцую на сцене.

Дождь усиливался, страсти кипели ещё пуще, оркестр заглушал звуки грома, но непостижимее всего было то, что голоса певиц и певцов соединяли природу и искусство в единое целое. Возможно, артисты опасались, что публика не выдержит испытаний и, по

Сцена из «Марицы»

крайней мере, самые нестойкие побегут с поля боя, но, скорее всего, мы просто соединились в едином порыве, мы все сошли с ума, мы перестали чувствовать ветер и дождь, комедия соединялась с драмой, и реальная жизнь исчезла, уступив место искусству. И глаза, и щёки мои были мокрыми, но трудно сказать, были ли это мои собственные слёзы восторга, или плакало небо, внимая музыке. О, как они были все прекрасны, участники фантазмагии, превратившейся в мистерию! Я вдруг почувствовал, что артисты перестали быть только исполнителями в музыкальной пьесе, что они уже сами стали её пленниками, такими же как мы, и поэтому они уже не играют, а внимают чуду искусства.

Поле битвы не покинул ни один. О, как неистово мы хлопали, кричали и свистели! Мне казалось, что я схватил самую воздушную на руки и поднял над голову – ах, нет, это не я, это её кавалер, но мой порыв соединился с его, ибо моя душа давно уже отсоединилась от тела и присутствовала на сцене...

«*Волшебная сила искусства...*» Воистину, эти привычные слова припомнил каждый из нас, думающий, что искусство приносит пользу, или соглашающийся с Уайльдом, что оно бесполезно, испытывавший уже вместе с Фёдором Михайловичем, что красота сильна и трагична и может мир погубить, или надеющийся, что *ей* всё-таки *суждено мир спасти* – а кому же ещё?!

В спектакле принимали участие артисты Театра музыкальной комедии в сопровождении театрального оркестра, дирижировал которым Андрей Алексеев. Спектакль прошёл на фоне Большого Гатчинского дворца на Серебряном лугу парка. Адаптацию для фестивального показа осуществил венгерский режиссёр Габор Кереньи, признанный в Европе мастер с опытом постановки зрелищных проектов.

По отзывам прессы спектакль прошёл блестяще, исполнители «играли и пели как-будто в последний раз в жизни». Наталья Савченко в роли Марицы продемонстрировала «и характер мадьярской гордячки, и жаркий русский нрав». Блестяще исполнил свою любимую партию (Тассило) Олег Корж, в роли его верного друга Зупана Владимир Ярош «был преисполнен огненного темперамента, срывая овации», особенно женской половины промокшего зала ... Прелестной, как всегда предстала, Тамара Котова в роли сестры графа Тассило Лизы (ей я посылал воздушные поцелуи, а душа моя белым облачком витала над сценой). Да и тётя главного героя Божена в превосходном воплощении Татьяны Васильевой «зажгла под занавес».

Так, может быть, Россия ещё жива, и если не литература, то спасёт её музыка, как спасла в XVI веке Германию, раздираемую религиозными войнами, музыка Баха, а в XVII после Смутного времени Россию спасло народное вдохновение?!

* * *

Оказывается, прошло уже больше месяца со дня музыкального фестиваля в Гатчинском парке, а мне всё казалось, что это случился вчера.

И вдруг неожиданно мне звонит приятельница и напоминает, что я должен пойти в Филармонию на открытие 12-ого Конкурса молодых оперных певцов Елены Образцовой, уже пять часов, начало в семь. За пятнадцать минут до начала мы с женой были в Филармонии. После вступительной части открытия был небольшой перерыв, а затем состоялся Концерт, в котором принимали участие лауреаты предыдущих конкурсов. Все они произвели на нас сильное впечатление, красавица Елена Гусева, солистка Московского музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, лауреат VII конкурса Елены Образцовой, исполнила арию Марицы, правда, дождь и ветер ей уже не помогали, но пишу я о вчерашнем открытии XII конкурса именно потому, что Марица его посетила и напомнила мне тот фантастический спектакль в Гатчине. Молодой бас Юрий Власов исполнил арию Короля Филиппа из оперы «Дон Карлос» Дж. Верди, правда, с трудом справляясь со своим красивым и обширным голосом. Грузинская певица Мзия Ниорадзе, меццо-сопрано, лауреат I Международного конкурса Елены Образцовой (1999 года), с истинно грузинским очарованием исполнила баркаролу из оперы «Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха. Голос её соединял красоту меццо-сопрано с бархатным рокотом волн морского прибоя, который обычно подвластен только контральто. И, о чудо, Оксана Шилова (лауреат III конкурса, 2003 года, первая премия) пела в заключение концерта тоже, и пела она Травиату. Когда она закончила арию, в которой рассказывала сама судьба о трагической любви и о трагедии жещины, я уже не властен был над слезами. Публика была единодушна со мною, и ради такой публики стоило петь. Так, может быть, всё же существует и интеллигенция (а не несколько только интеллигентов... один... два..., как сказал когда-то Сергей Аверинцев), и существует народ (а не только население и толпа, менты, чиновники, олигархи)? Не знаю...

Санкт-Петербург